

зовали как одного из виднейших представителей советской литературы, отражающего новую социалистическую действительность¹. Некоторые критики как, например, некто, подписавшийся инициалами К. М.², говоря о вершинах советской литературы, рядом с именами А. Толстого и В. Маяковского ставят Илью Эренбурга. Но в то время, как большинство из них ограничивается подобными констатациями общего характера, литераторы-коммунисты и примыкающие к ним не только дают эстетические оценки, но высказываются и по поводу идейно-политической ориентации Эренбурга. Янош Антал в упомянутой статье пишет: «Отношение Эренбурга к революции — это отношение человека, понимающего и любящего ее, но отдающего себе отчет в том, что пока для него она не своя»³. Золтан Фабри в свою очередь высказывает следующую соображение: «Эренбург не писатель-эмигрант, каким многие желали бы его видеть; Эренбург — бродяга в мире сем, что, между прочим, в конечном итоге не что иное, как скрытое бегство. Это уход в цинизм любовника мертвой Европы, чтобы не надо было в качестве простого труженика-документалиста подтверждать серость новой действительности»⁴. Два года спустя тот же Фабри возвращается к своей метафоре, дополняя её: Эренбург «с красочным цинизмом до смерти заласкивает» капиталистическую Европу⁵. В связи с *Визой* времени, точнее, с путевыми очерками о Словакии, он выражает свое недовольство идейно-политической направленностью эренбурговских сочинений⁶. Сравнивая очерки советского писателя с путевыми заметками Людвиг Ренна, он приходит к выводу, что, не в пример немецкому писателю-коммунисту, у Эренбурга нет боевой, социалистической целеустремленности (раньше в этом же смысле, тоже не в пользу автора *Хулио Хуренито*, Фабри ссылался на очерки Ларисы Рейснер⁷). Лишь после появления романа *День второй* критик смягчается, сочтя, что Эренбург наконец нашел себя, вошел в колею социалистической литературы⁸.

В связи с тем же романом, Г. Дину, вся статья которого носит ярко выраженный полемический и антифашистский характер, говорит об авторе *Дня второго* как о революционере-миссионере. В ретроспективном обзоре творческого пути советского писателя С. Иосифеску (см. упомянутую статью) также дает идейную оценку. В связи с *Хулио Хуренито* он говорит об «истинно мещанском анархизме», а романы периода нэпа считает вещами, отражающими моральную депрессию автора. Апогей творчества критик видит в романах 30-х годов, свидетельствующих, по его мнению, о полной интеграции

¹ «Популярнейший и известнейший русский писатель наших дней, несомненно, Илья Эренбург». Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom*, „Korunk“, № 3, 1929, стр. 200.

² К. М., *A husz éves újorsz irodalom (Двадцатилетие новой русской литературы)*, „Korunk“, № 2, 1937.

³ Янош Антал, *Az egyén csödjé*, „Korunk“, nr. 3, 1928, стр. 236.

⁴ Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom*, „Korunk“, nr. 3, 1929, стр. 200.

⁵ Золтан Фабри, *Regény és valóság (Роман и действительность)*, „Korunk“, № 12, 1931, стр. 913.

⁶ Золтан Фабри, *Utazások (Поездки)*, „Korunk“ № 9, 1932.

⁷ Члену чехословацкой компартии в годы ожесточенных классовых боев, естественно, были не по душе ноты лиризма, местами умиленности, при описании словацких крестьян, живших в нищете и духовной темноте.

⁸ Золтан Фабри, *Pozitív elojellel (Под положительным знаком)*, „Korunk“ № 1, 1934.